

ТАЛАНТ ОДИН НЕ ХОДИТ

На фото: Владимир ВАСИЛЬЕВ, Валентина ГАНИБАЛОВА, Георгий ВАСИЛЕВИЧ

Такую тихую душевную радость, которая наполнила меня в жаркий августовский день в сельце Михайловском, я испытал теперь уже четверть века назад, когда присутствовали мы с замечательным русским реставратором Сергеем Голушкиным на торжественном празднике, посвящённом возвращению в Солигалич восстановленных нами портретов Григория Островского. Те же одухотворённые, светлые лица, которые вызвали у меня слёзы, увидел я у собравшихся на открытие выставки живописи и акварели прославленного танцовщика, талантливого хореографа, народного артиста СССР Владимира Васильева.

Несколько сот людей, собравшихся на вернисаж в уютном зале рядом с домом поэта благодарили своего кумира за щедрый подарок, а Володя в ответ сказал: "Это один из лучших моих спектаклей — сегодняшняя встреча с вами". Художника приветствовали директор Пушкинского заповедника Георгий Василевич, заслуженная артистка России, в прошлом прима Кировского балета Валентина Ганибалова, её американская ученица Джессика Метси, игумен Святогорского монастыря Макарий, послушник этой обители Геннадий (Судаков), ещё недавно танцевавший вместе с Ганибаловой и Васильевым.

Талант один не ходит. Если человеку свыше отпущено дарить людям плоды своего творчества, быть одарённым строителем, землешапцем или воином, он непременно захочет проявить себя и в других областях созидания. Не буду приводить примеров, ибо им несть числа. Достаточно вспомнить о Пушкине, замечательном рисовальщике.

"Я никогда не учился рисованию профессионально. До сих пор не могу провести ясную, прямую линию между двумя точками. Но желание выразить красками на бумаге, холсте, картоне то, что вижу и чувствую, было, кажется, с детства... Я остался влюблённым в живопись на всю жизнь и до сих пор чувствую некоторую неловкость от собственного вторжения в "святыя святых"...

Сейчас я думаю, что неудержимое желание мазать красками — своеобразный щит, спасающий меня все эти годы от погружения в чиновничью трясиину".

Лучше определить смысл своих живописных поисков и стремлений, чем сказанное Владимиром Васильевым, не удастся ни одному самому изощрённому искусствоведа. Я же, сам практик, много лет проработавший художником-реставратором, не могу не отдать должного самозабвенной влюблённости моего друга в изобразительное искусство.

С Володей Васильевым мы познакомились лет сорок назад в Суздале, где я увидел, что передо мной человек, который смотрит на эти святые места не как турист. Побывали мы потом с ним и Катей Максимовой у меня в Кихах, ещё не раз съездили в Суздаль, несколько раз гостил и я у балетных артистов в их "пенатах" — Щелькове, где постоянно проводили они театральные каникулы. Влюблённости Володи и Кати в эти места словами описать трудно. Каждый уголок сказочного лесного царства, каждая речушка и ручей, каждый неповторимый здешний пейзаж настолько дорог и близок им, что кажется — унаследовали они эту любовь от хозяина щельковской усадьбы Александра Николаевича Островского.

"Поздняя осень. Еду по Костромской земле к себе, в глухую деревню. В сторону с главной дороги лучше не съезжать — утонешь в грязи. По сторонам доживающие свои дни, почерневшие от непогоды избы. А воздух чистый, ветреный — Россия!

В мыслях перед глазами стоят неотвязно пейзажи Володи Маслова. Россия... Ведь родит же она, не уставая, сотни скромных героев. И сами они, эти неизвестные герои, словно блёстки в однообразии и безмерности российской. Светят сами по себе и глаз радуют".

Увлечённость Васильева творчеством тверского живописца Владимира Маслова доказала мне ещё раз, что он обладает не

одним хорошим вкусом, но и умением разглядеть истинные масштабы дарования самобытных мастеров. Надо очень любить подлинное, живое и незамутнённое искусство, чтобы не потеряться среди обилия течений, направлений и разных искусственно придуманных "измов" в наше расхристанное время дельцами и предпринимателями, наводнившими художественный рынок непотребной зачастую продукцией.

В первый раз восторженные слова о Володе и Кате я услышал от великого балетмейстера Касьяна Ярославича Голейзовского, который ставил тогда блестящие хореографические миниатюры на любимых танцовщиков: "Нарцисс" (музыка Н.Черепнина) на Володю и скрябинскую "Мазурку" для Кати. Годами живя в доме моего университетского друга Никиты Голейзовского, я видел, как увлечённо работал основоположник современного балета с Васильевым, танцевавшим главную партию в его балете "Лейли и Меджнун". Касьян Голейзовский, начавший свой творческий путь на рубеже столетий, прежде чем стать балетмейстером, получил универсальное образование.

Он прекрасно знал историю, тонко разбирался в музыке, а главное, прошёл художественную подготовку в мастерской М.А.Врубеля и в непосредственном общении с В.А.Серовым. Каждый свой балет, прежде чем начинать постановочный процесс, он детально прорисовывал, и рисунки эти являлись подлинными произведениями искусства. Когда он показывал тонкие рисунки своим исполнителям, многое не нужно было объяснять — так чётко передавали они будущую танцевальную кантлену. Приходя домой после репетиций, хореограф говорил нам с Никитой: "Володя Васильев понимает меня без слов, он ведь сам художник".

Я уверен в огромном влиянии, которое Касьян Ярославич Голейзовский оказал на

Владимир ВАСИЛЬЕВ. "Солнце. Зима. Рыхёвка".

Васильева не только как на танцовщика, но и как на живописца.

Счастье Володи заключается в том, что он умеет использовать достижения великих мастеров прошлого и при этом оставаться самобытным, трепетным, постоянно ищущим свои тропинки и пути в мире прекрасного.

Дай Бог ему долго радовать нас своими чистыми и проникновенными работами!"

Савва ЯМЩИКОВ